

ПРОБЛЕМАТИКА
ОПРЕДЕЛЕНИЙ
ТЕРМИНОВ
В СЛОВАРЯХ
РАЗНЫХ
ТИПОВ

К 13316 13316
К 13317

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

ПРОБЛЕМАТИКА
ОПРЕДЕЛЕНИЙ
ТЕРМИНОВ
В СЛОВАРЯХ
РАЗНЫХ ТИПОВ

8264

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1976

Редакционная коллегия:

С. Г. БАРХУДАРОВ (председатель),
В. П. ПЕТУШКОВ, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНОВ В СЛОВАРЯХ

Не раз говорилось, что еще многое мы, лингвисты, не умеем делать в области терминологии, делаем плохо или вообще не делаем. Но не все так плохо, как иногда кажется: в обсуждаемом деле у нас есть и определенные достижения. Показателен в этом отношении следующий эпизод из недавней истории лингвистической разработки терминологии: в 1956 г. журнал «Вопросы языкознания» (№ 2) опубликовал письмо специалиста-терминолога В. Н. Кострова под характерным названием «Языковеды должны изменить свое отношение к терминологической работе». С тех пор не прошло и 20 лет, а положение изменилось коренным образом, и подобные письма теперь уже совершенно немыслимы. За последние 15 лет подготовлено и проведено три Всесоюзных совещания по терминологии, которые прошли не только при активном и преобладающем участии лингвистов, но и под их организацион-

ным и деловым руководством. Прогресс очевидный и весьма внушительный.

Прогресс здесь не только внешний или количественный, но и внутренний, содержательный. Об этом можно судить по тематике совещаний: первое из них (1959 г.) было посвящено общим вопросам терминологии с охватом всех ее разветвлений — общественно-политической терминологии, научно-технической, учебно-педагогической, лингвистической, а сверх того (организаторы совещания как бы еще не верили в силы и возможности его будущих участников) были взяты вопросы усовершенствования алфавитов и орфографии письменных языков в СССР; второе совещание (1967 г.) было посвящено уже только одной — научно-технической терминологии, у лингвистов нашлось что сказать и по более конкретному вопросу. На третьем совещании (1974 г.) обсуждался новый вопрос — проблема определения терминов в словарях. В этой смене тематики терминологических совещаний можно видеть и логику, и проявление движения вперед: от общих вопросов терминологии к теории и практике учета, фиксации, обработки и подачи терминов в словарях.

Это, конечно, не значит, что все общие и спорные вопросы терминологии уже решены, и решены однозначно и согласованно, так что спорить уже не о чем. Многие спорные вопросы ставились или обнаруживались и на третьем совещании, хотя о них говорилось без полемической заостренности.

К таким вопросам можно отнести противопоставление терминологии и номенклатуры (доклады и статьи А. В. Суперанской, Р. Е. Березниковой, Н. Н. Забинковой). Разграничение и противопоставление терминологии и номенклатуры, терминов и номенов проводится главным образом на основе различия понятийного и предметного значения номинативных единиц: термины связаны с понятиями (отражают, выражают понятия); номены — связаны с предметами (называют предметы). Если разграничение терминов и номенов рассмотреть на фоне известного семантического треугольника (языковой знак, слово или номинативное словосочетание — предмет, денотат — понятие, десигнат), то получится, что языковой знак, разделившись на термин и номен, поделил между ними понятие и предмет. Это кажется нам излишним упрощением проблемы. Применительно к слову или номинативному языковому знаку в целом вопрос стоит гораздо сложнее: слово связано и с предметом, и с понятием, с предметом через понятие и с понятием через предмет,¹ т. е. с предметом и понятием одновременно, то с понятием, то с предметом преимущественно, но не исключительно, ср.: *Стол — мебель* (это стол вообще — преобладание поня-

¹ «Слово выполняет функцию наименования вещи только потому, что оно в то же время является выражением понятия» (Огольцев В. М. Устойчивые компаративные структуры в языковой системе. — В кн.: Системность русского языка. Новгород, 1973, с. 30).

тийности над предметностью), *Мы купили стол* (это уже более конкретный стол, предметность выходит на первый план), *Положи книгу на мой стол* (вполне конкретный предмет, понятийность оттеснена на задний план), и т. п. Противопоставление терминов и номенов напоминает старое противопоставление терминов и слов: термины — не слова, номены — не термины. Но первое противопоставление, кажется, уже преодолено: термины — все-таки слова (а также номинативные словосочетания); может быть, преодолено и второе противопоставление: номены — все-таки термины, разновидность терминов, термины, в которых предметное значение преобладает над понятийным.

Можно отметить также спорное положение, сформулированное в тезисах доклада В. А. Ступина: «Практически нет (языкового, — А. М.) знака, который бы не был термином»; «Все слова языка суть термины какой-то терминологии».² Полное отождествление слов и терминов представляет собой нечто противоположное отрицанию языковой природы терминов: раньше иногда говорили, что термины находятся вне языка, за пределами языковой системы и абсолютно недоступны языковым семантическим законам; теперь предлагается вообще снять различие «обычных» слов и терминов. То и другое — крайности. Но, к слову, если бы надо было выбирать между формулами «термины — не слова» и «все слова суть термины», то более приемлемой следовало бы признать все-таки вторую из них. Но, еще раз к слову, если принять вторую формулу, то тем более нет оснований для противопоставлений терминологии и номенклатуры.

Не раз затрагивался и старый вопрос о различении энциклопедических и филологических (лингвистических) словарей: одни считают, что это противопоставление объективно стирается (Л. Л. Кутина), другие, напротив, подчеркивают его абсолютный характер (Н. З. Котелова: «энциклопедии — не словари»).

Словом, спорные вопросы еще найдутся и, конечно, возникнут вновь, но прогресс в разработке терминологической проблематики все-таки не вызывает сомнения. Одно из проявлений этого прогресса — реализм в определении, характеристике и оценке терминологии, отказ от идеализации ее (строгость, системность, однозначность и т. п.), признание терминологии такой, какая она есть, со всеми присущими ей «недостатками»: «При нынешнем состоянии реальных терминологий, которые существуют как исторически и стихийно сложившиеся системы терминов, лишь частично затронутые процессом нормализации и стандартизации, когда практически нет ни одной полностью упорядоченной терминологической системы, представляется необходимым отражать в терминологических словарях терминологию со всеми присущими ей недостатками (в том числе отражать также

² Тезисы докладов на совещании, посвященном проблеме определений терминов в словарях. Л., 1974, с. 66 (далее: Тезисы, страница).

полисемию, омонимию и синонимию терминов)» (В. М. Перерва, Тезисы, с. 35). Автор приведенного высказывания, однако, еще не полностью преодолел идеализацию терминологии: он верит и надеется, что когда-нибудь терминология будет полностью упорядочена и стандартизована. «Так будет!» — сказал он в своем докладе на конференции. В противовес этому можно сказать: «Так не было и не будет». Не будет, так как «дефиниции науки» как база терминов, «временны», «они постоянно варьируют» по мере дальнейшего познания объекта (Н. В. Подольская, Тезисы, с. 40); так как в современных условиях развития науки и техники возможность быстрой и гибкой обработки терминологических новообразований, их стандартизации, приведения в систему по существу «исключается», и терминологи вынуждены довольствоваться только ролью пассивного регистратора изменений, имея очень мало возможности вмешаться в процесс и упорядочить его; так как «динамика лексического состава в технических областях настолько значительна, что к моменту выхода в свет нередко требуется фундаментальная переработка словаря» (Л. Н. Засорина, В. П. Сильвестров, Тезисы, с. 60). Иными словами: упорядочение и стандартизация терминологических систем никогда не устраним спонтанных процессов их развития, упорядоченное всегда будет дополняться, а иногда и вытесняться новым, неупорядоченным, и т. д.

Реализм в подходе к терминологии проявляется и в тематике 3-го совещания и данного сборника — они ориентированы на решение практических задач.

Я коснусь некоторых сторон этого вопроса, уже затронутых в докладах совещания и статьях.

1. Типология словарей, общих и специальных (в связи с обработкой в них терминов). Разработка типологии словарей — вообще, а в данном случае, применительно к терминологии особенно — совершенно необходимое дело, если даже многие из возможных и объективно необходимых типов словарей реализовать не удастся. Есть опасность, что не удастся реализовать даже некоторые из тех словарей, которые были названы в докладах на конференции. Надо, следовательно, думать еще о минимизации в охвате материала и в его обработке; на основе минимизации или принципа минимизации удастся, может быть, определить оптимальный тип или типы реально возможных словарей, нацеленных на регистрацию и обработку специальных терминов.

2. Отбор терминов для общих филологических словарей. В тезисах доклада В. П. Петушкова, В. Н. Сергеева и Ф. П. Сорокалетова эта проблема, очень важная и трудная, представлена довольно пессимистически: «руководствоваться каким-либо одним критерием» здесь невозможно. «Этому не помогают ни свидетельства языка художественной литературы и языка средств массовой коммуникации, ни существующие статистические подсчеты. Сомнительно, что таким критерием может служить возможность

описания специального слова словами общелитературного языка» (Тезисы, с. 6). Думается, что как раз эти, а также другие критерии (отражение терминов в учебной и научно-популярной литературе, а сверх всего опыт терминоведов и лексикографов) заслуживают доверия; по крайней мере критериев, которые позволили бы решить проблему одним махом, нет, и надо смотреть на дело реалистически.

3. Приемы и принципы толкования терминов в словарях, общих и специальных. Иногда, исходя из правила не употреблять, где только возможно, обычных слов, предлагают следующее: «Термин X не должен толковаться через A, B, C, D, E , если в словаре есть термины $Y=A+B+C$ и $Z=D+E$; правильно толкование: $X=Y+Z$ » (Тезисы, с. 38). Обычными словами это можно передать так: не следует толковать термин через его признаки, если эти признаки порознь входят в толкование других терминов; первый термин надо толковать через эти вторые термины. Проще, на конкретных примерах, но без обсуждения представила это Н. В. Подольская. Она сопоставила определение термина *антропонимика* в нескольких словарях (и на этом фоне привела собственное определение); *антропонимика* — «раздел ономастики, изучающий собственные имена людей, происхождение, изменение этих имен, географию распространения и социальное функционирование, структуру и развитие антропонимических систем» (БСЭ-2, т. 1); «раздел лексикологии, изучающий собственные имена людей» (О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов); «наука об антропонимах» (Краткий словарь славянской ономастической терминологии). Последнее толкование соответствует приведенной формуле: $X=Y+Z$. Но, если такое толкование принять за образец, то далее пойдут толкования типа: фразеология — наука о фразеологизмах, фонология — наука о фонемах, морфология — наука о морфемах, лексикология — наука о лексемах, орфография — наука об орфограммах и т. п. Чтобы что-то понять из таких толкований, надо смотреть, что такое фразеологизм, фонема, орфограмма и т. д., а от них, может быть, придется перейти к другим терминам, и т. д. При этом, вероятно, не возникнет «кругов», против которых не раз выступали в печати Ю. Д. Апресян и многие другие, но возникнут многочисленные «петли»: лексикограф будет петлять как бы для того, чтобы запутать и сбить с толку своих читателей. Толкование самой Н. В. Подольской «Антропонимика — отрасль ономастики, изучающая антропонимы» (Тезисы, с. 42) немногим отличается от только что прокомментированного. Более приемлемым поэтому может быть следующее толкование: «Антропонимика — раздел ономастики, изучающий собственные имена людей (антропонимы)». Если перейти от примеров к некоторым обобщениям, то можно сказать, что толкование терминов должно быть по возможности самодовлеющим, а не отсылочным.

В связи с вопросом о типах толкования терминов нельзя, ко-

нечно, миновать то, что в свое время говорил по этому поводу акад. Л. В. Щерба. Уже не раз приводился в этой связи пример с «прямой (линией)». В дополнение к нему я приведу другой пример — рассуждение Л. В. Щербы по поводу возможного толкования слова-термина *золотник*: «Слово *золотник* (в машине) всем хорошо (разрядка моя, — А. М.) известно. Но кто из нас, не получивших... технического образования, знает как следует, в чем тут дело? Кто может сказать, что вот это *золотник*, а это не *золотник*?»³ Итак, мы хорошо знаем слово *золотник*, но не только не знаем, что такое *золотник*, но даже не умеем отличить *золотник* от *незолотника*, хотя бы так, как можем отличать овцу от козы, корову от лошади. Как же определять слово *золотник* в общем словаре? Может быть, просто «(какая-то) деталь (какой-то) машины»? Но таких «хорошо известных» «золотников» в словаре будет очень и очень много. Действительно, все мы «хорошо» знаем, что есть пшеница, рожь, ячмень, полба и т. п. Помните одно из условий найма к попу, выставленное Балдой: «Есть же давай мне вареную полбу»? Но кто из нас, говоря словами Щербы, может сказать, что вот это полба, а это ячмень и т. п. — в зерне или в колосе, в муке или блинах? Далее, все мы «хорошо» знаем, что есть пескари, гольцы, головыли, плотва, красноперки и даже «шилишперы»; знаем, что один пескарь был «премудрый», а шилишпер, по словам чеховского злоумышленника, — «простор любит». Но кто из нас знает, что это пескарь, а это шилишпер? Что же, все эти названия в словаре получают единое толкование — «какая-то рыба» или, в лучшем случае, «мелкая рыба»? Ясно, что тут что-то не то. Конечно, возможны и, может быть, даже интересны и такие словари, в которых сотни и тысячи «хорошо» известных слов получают толкования типа «что-то такое этакое». Такие словари отразили бы некоторую систему формальных, наивных, обывательских и тому подобных понятий носителей языка. Но такие словари — роскошь, а не минимизация. Более нужны словари, поднимающие читателей над его бытовыми, формальными, наивными, бедными, а порой и убогими «понятиями». И тут даже не надо ничего придумывать и изобретать: надо отразить в словарях богатейший языковый опыт всего народа, а народ в целом знает, что такое *золотник*, *полба* и *шилишпер*.

Кроме того, все сказанное относится не только к специальным словам и терминам; то же самое можно сказать едва ли не о всех словах языка: все ли русские люди непосредственно знают, что земля — это и планета, и суша, и почва, и надел-угодья, и государство, область и т. п.? В докладе Ю. Д. Апресяна был приведен пример со словом «даже»: «Даже Иванов пришел». Не все, вероятно, могут сразу сказать, что это предложение означает:

³ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958, с. 68.

1) Иванов пришел, или 2) пришли и другие, или 3) удивительно, что Иванов пришел. Но все это представлено в русском языке, и все это должно найти отражение в словарях.

Таким образом, толкования в словарях должны быть безусловно содержательными и, при возможности, исчерпывающими полными. Но возможным (и даже необходимым и целесообразным) это оказывается, однако, не всегда, что и лежит в основе дифференциации словарей: общие и специальные, большие и малые и т. п. Существующие словари в целом удовлетворяют этому требованию, и это должно быть сохранено и развито. В качестве примера можно привести как раз толкование термина *золотник*: «Устройство, служащее для автоматического управления потоком пара (жидкости, газа) в тепловых, гидравлических и пневматических машинах» (Словарь русского языка в 4-х томах); «Деталь для изменения и распределения потока жидкости, пара или газа, характеризующаяся поступательным движением параллельно уплотняющей поверхности» (Краткий политехнический словарь. М., 1956). Общефилологическое толкование, уступая специальному в технических деталях, информативностью, в некотором отношении превосходит его (указание на типы машин).

4. Этимологизация терминов. Этому вопросу касались многие из выступавших: В. П. Петушков и его соавторы («возрастает роль этимологии», «обнажается словообразовательный инструментарий» — Тезисы, с. 6), Н. В. Подольская (специализация словообразовательных морфем в системе ономастической терминологии), Н. Н. Забинкова (то же в ботанической терминологии), В. А. Алексенко (гнездовой терминологический словарь) и др.

Это направление в терминологической работе заслуживает одобрения и широкой поддержки. Благодаря этимологизации термины получают отчетливую структурно-семантическую мотивированность, осмысленность, что облегчит их вхождение в соответствующую терминологическую систему и внутренне укрепит саму эту систему; облегчит понимание, запоминание и применение терминов, обозначит сферу, направление и пределы возможного сужения или расширения их значения, предостережет от произвола в обращении с ними. Можно сказать, что мотивированность термина поможет не только понять, но и принять этот термин: такой термин будет законным членом системы, а не случайным произвольным знаком.

Эта сторона дела имеет и теоретическое значение. Как известно, существует, и не раз высказывалось мнение, что термин должен быть чисто условным знаком, совершенно лишенным внутренней формы, которая будто бы может вызвать посторонние для термина и даже ложные ассоциации, мешающие его точности и однозначности; допускается, таким образом, что чем бессмысленнее сам по себе (т. е. в языковом отношении) термин, тем лучше. Можно, кажется, считать, что участники Совещания непротиворечиво высказались в пользу мотивированных и пра-

вильно ориентированных терминов. Это большой положительный вклад в теорию термина и терминологию. Если к терминам будут предъявляться требования осмысленности, мотивированности, правильной ориентированности на объект номинации, то соответствующим образом возрастут и требования к терминотворчеству: термины должны создаваться более внимательно и ответственно. Это должно стать некоторой преградой на пути безудержного терминологического произвола, в частности в лингвистической терминологии, где терминологический взрыв последних десятилетий создал крайне напряженную обстановку и очень часто возникает ситуация взаимного непонимания, «диалога глухих». Это непременно должно быть преодолено.

**ПРОБЛЕМАТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТЕРМИНОВ
В СЛОВАРЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ**

*Утверждено к печати
Научным советом по лексикологии и лексикографии
АН СССР*

Редактор издательства Н. Г. Герасимова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор М. Э. Карлайтис
Корректоры Г. Н. Атлас,
Е. А. Гинстлинг и Л. Я. Комм

Сдано в набор 27/IV 1976 г. Подписано к печати
30/VIII 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л.
16³/₄=16.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.91. Изд. № 6145.
Тип. зак. № 1169. М-3334. Тираж 4300. Цена 1 р. 36 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12